

ФИЛОСОФИЯ

УДК 316

DOI: 10.21779/2500-1930-2020-35-2-51-56

М.Я. Яхьяев

Роль и основные задачи экспертных сообществ в реализации социальных проектов

Дагестанский государственный университет; Россия, 367000, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а; muchtar59@mail.ru

Практика показывает, что реализация многих социально значимых проектов в современной России приводит к неоднозначным для россиян и общества в целом последствиям. Это актуализирует проблему установления и устранения причин их перманентной провальности. Исходя из этого в статье анализируются состояние и роль экспертного сообщества как некоего независимого интеллектуального центра, способного дать объективную оценку социальных проектов, осуществить контроль за их исполнением. В качестве основных направлений социальных проектов, остро нуждающихся в независимых экспертных оценках, в ней выделяются такие деструктивные для всего российского общества тренды развития, как вестернизация, дегуманизация, девальвация и коммерциализация основных подсистем социума. Разрушительные для всего общества, особенно для духовной культуры проявления этих тенденций в статье прослеживаются на примере Республики Дагестан.

Ключевые слова: *экспертное сообщество, социальные проекты, тренды развития, гражданское общество, духовная культура.*

В современной России постоянно иницируются и реализуются социальные проекты, направленные на улучшение жизни общества, на их основе проводятся перманентные «перестройки», реформы, модернизации. Они подвергаются экспертизе, позволяющей установить их социальную значимость, реалистичность, перспективность, последствия реализации. И, тем не менее, многие проекты заканчиваются неудачей, иные ведут к неоднозначным социальным последствиям. Качество жизни россиян от реализации большинства социальных проектов не улучшается.

Так в чем же причины перманентной провальности проектов, программ, проводимых преобразований?

Одной из весомых причин этого является то, что многие социальные проекты разрабатываются, принимаются и реализуются в закрытом от гражданского общества режиме. Экспертную оценку им дают формируемые административными методами, состоящие из одних и тех же лиц комиссии и советы, что сказывается на объективности их оценок и заключений. В стороне от экспертизы и контроля исполнения проектов остаются многие представители научного сообщества, специалисты и профессионалы, работающие в значимых общественных структурах. В стране в целом сложилась такая картина, когда часть здоровых сил общества, обладающая специальными знаниями и способная дать на профессиональной основе объективную оценку социальных проектов, не задействована в их экспертизе и контроле за ходом реализации. О существовании такого разрыва между запросом государственных институтов в получении экс-

пертной оценки, экспертном участии самих сообществ в региональных проектах и вовлеченностью этих сообществ в реализации общественных проектов пишут Р.А. Долженко и С.Б. Долженко [3, с. 80–81].

Сегодня в России доминируют корпоративные (закрытые) экспертные сообщества, создаваемые при различных министерствах и ведомствах, в которых преимущественно задействованы лица, лояльно настроенные к власти или конкретным чиновникам. На это указывает, в частности, Казакова Е. [4, с. 12]. Другой вариант – организация экспертного сообщества через процедуру «фабрикации квазиинтеллектуальных статусов административных работников (в первую очередь чиновников) посредством получения ученых степеней и званий» [1, с. 9]. Поэтому до сих пор не сформировался эффективный диалог органов власти с неангажированными экспертными сообществами. Получается, что власть или не заинтересована, или не способна задействовать потенциал независимых экспертных сообществ в разработке, оценке и реализации социальных проектов.

По мнению Сунгурова А.Ю., для развития таких «независимых фабрик мысли» необходимо выполнение трех важных условий: политический плюрализм, при котором уже отсутствует единственно правильная точка зрения руководителя, высокий уровень развития политической науки и политологического сообщества и «диверсифицированные источники финансирования, включая различные фонды и другие грантодающие организации» [9, с. 74]. Предлагается также усилить роль экспертного сообщества на основе «законодательного закрепления прав, полномочий экспертов и повышения уровня публичности в ходе проведения экспертных работ» [8, с. 173].

Однако проблема Северо-Кавказского региона заключается еще и в том, что в республиках практически нет независимых экспертных сообществ, способных самостоятельно генерировать, реализовывать и контролировать социально значимые идеи и проекты. Это обусловлено тем, что нет запроса на независимые экспертные сообщества, способные отбирать перспективные идеи и содействовать запуску механизмов их воплощения в жизнь. По крайней мере, ни власть, ни общество их не видят. И это тогда, когда наличие экспертных сообществ как «рупоров» гражданского общества, способных, с одной стороны, адекватно выражать доминирующие настроения и запросы населения, а с другой – помогать гражданскому обществу понимать намерения и действия властей, больше нужно самим гражданам, чем власти.

Именно региональные экспертные сообщества способны, по мнению Лаврика М.В., решать проблемы конкретного региона, «так как региональный подход в максимальной степени учитывает специфику региона» [5, с. 203]. С другой стороны, такие «ситуационные центры» позволяют, по мнению Райкова А.Н., сократить время принятия управленческих решений [7], а это качественно влияет на эффективность самого государственного аппарата. Хотя есть и пессимистичный взгляд на развитие экспертных сообществ, связанный с привнесением экспертами элемента «разноголосицы в коллективное сознание», способное породить сумятицу «в умонастроениях, неоднозначности оценок и ценностных предпочтений у жителей..., а следовательно, и затормозить процесс дальнейшего формирования регионального социума» [2, с. 105].

И все же главное в том, что может быть предметом проектирования и экспертных оценок в республике?

Объектов и направлений, нуждающихся в социальных проектах в Республике Дагестан, много, их не охватить в одной статье. Выделим наиболее значимые направления, деструктивные тренды общественного развития, которые давно уже разрушительно проявляются в России, но имеют в нашем регионе особую специфику. Это такие

тенденции современного развития, как вестернизация, дегуманизация, девальвация и коммерциализация основных подсистем социального целого.

Среди всех этих трендов наиболее разрушительное воздействие оказывают процессы вестернизации, суть которых в агрессивном вытеснении традиционных для российского общества форм жизни и заменивших их суррогатами общества массового потребления, образцами западной эрзац-культуры. Массовое тиражирование и насаждение экономических, политико-правовых, образовательных, информационных, иных моделей западного образа жизни и поведения ставят под угрозу безопасность и цивилизационные перспективы России. В полной мере это касается и Республики Дагестан. Но специфика региональной жизни еще и в том, что процессы вестернизации происходят одновременно с процессами арабизации и архаизации жизни дагестанского общества. Результатом этих процессов становится формирование некоего многослойного социокультурного пирога, не образующего интегрального качества, способного быть выразителем собственной самобытной цивилизационной идентичности. Вот поэтому злободневными для республики остаются разработка и реализация проектов, направленных на защиту традиционных для местных сообществ ценностей и развитие социокультурной идентичности Дагестана. При этом крайне важна экспертная оценка содержания, механизмов, перспектив реализации таких проектов, с тем чтобы под благими декларируемыми целями и лозунгами не насаждались чуждые нам ценности, расшатывающие наше дагестанское единство.

Экспертное сообщество призвано бить тревогу и по поводу опасности обесценивания духовности, которая все больше теряет свой высокий гуманистический уровень. Результатом девальвации духовности становится массовое распространение бездуховности как полного равнодушия к духовным ценностям и отрицания их значения для развития личности и общества. К сожалению, сегодня в регионе наблюдается не просто существенная примитивизация духовной культуры, выхолащивание ее гуманистического потенциала, а происходит трансформация культуры из средства духовного развития личности в средство потребительской релаксации. Примитивные продукты духовной культуры сегодня потребляются исключительно для того, чтобы расслабиться после повседневного напряжения и перегрузок.

Еще одной губительной для дагестанского общества тенденцией, о которой экспертное сообщество должно громко заявить, является коммерциализация культуры и образования, всего духовного производства. Именно коммерциализация превращает сферы культуры в отрасли бизнеса, подчиняющиеся исключительно законам извлечения прибыли, а продукты духовного производства – в исключительно рыночный товар. А на базе такой коммерциализации неуклонно развивается консьюмеризм, т. е. культ материального потребительства и сугубо утилитарное отношение к культуре, науке, образованию, морали и даже религии.

И это еще далеко не все разрушительные для дагестанского общества, его самобытной духовности тенденции, которые ставят под угрозу социокультурную идентичность Дагестана как субрегиона российской цивилизации. В условиях сегодняшней пандемии стали очевидны и отдельные негативные последствия цифровизации и внедрения дистанционных форм образования и воспитания. К тому же протестные настроения населения относительно этих процессов сознательно подогреваются ангажированными субъектами в средствах массовой информации и особенно в средствах массовой коммуникации. Представляется, что экспертному сообществу необходимо объективно оценить, в том числе и проекты цифровизации образования, науки, культуры, воспитания.

Все эти деструктивные тренды реализуются в России не стихийно, они составляют содержание различных направлений государственной политики. А качественная деградация созидательного потенциала Республики Дагестан является результатом целенаправленной политики рыночных реформаторов, и не столько региональных, сколько центральных. Экспертному сообществу необходимо оценивать предлагаемые социальные проекты на предмет их негативного или позитивного воздействия на общество и граждан.

Общеизвестно, что основными инструментами государственной политики являются финансирование, государственное регулирование и контроль основных институтов общества. В современной России можно выделить две линии государственной политики, катализирующие указанные деструктивные тенденции. Одна из них способствует упадку российского образования, науки, искусства ввиду критически низкого их финансирования и жесткого государственного регулирования, надзора и контроля со стороны ведомственных структур. Другая линия – это фактический государственный протекционизм и щедрое государственное и частное финансирование элитарных образования и культуры. Одновременно с этим максимально обеспечивается внедрение в российское образовательное и духовное пространство второсортных образцов общества массового потребления. Реализация этих двух политических линий уже привела к резкой социальной поляризации и расслоению общества. Даже в сферах культуры, искусства, медицины, образования на фоне крайне низких доходов основной части работников сформировались небольшие касты «творческой элиты», получающие сверхдоходы.

О том, что социальная поляризация в культуре подрывает духовный потенциал российской цивилизации, говорят многие аналитики. «Сегодня расколот не только сам народ... расколота его культура, точнее, ее постоянно раскалывают, сталкивая между собой, противопоставляя друг другу ее различные стороны. Противоборство нескольких типов культуры – очевидная характерная черта современной социокультурной ситуации и одновременно одна из серьезнейших причин социальной напряженности в обществе» [6]. В этом смысле можно говорить о формировании и противоборстве нескольких таких социальных типов культур. Основная часть населения страны, относящаяся к малоимущим социальным слоям – это носители отечественной, гуманистической, подлинно народной культуры, которая при этом отстранена от каналов массовой коммуникации, потому отчасти вытеснена на периферию и маргинализована. Другим социальным типом культуры является культура экономически господствующего класса («новых русских») и крупного чиновничества, занимающая доминирующее положение и стремящаяся вытеснить гуманистическую советскую культуру, стереть ее из исторической памяти населения. При их активном участии происходит переориентация многих учреждений культуры и ее деятелей на «массовое» потребление. «Происходит тотальное выкорчевывание из культурного обихода даже не отдельных имен, а целых пластов литературы, искусства, науки, образования, которые не вписываются в общественно-политическую парадигму нынешнего режима. Официально отказывается в праве на существование советской литературе, которая со своими гуманистическими и патриотическими устремлениями противостоит возводящемуся миру наживы, корысти, античеловечности» [10]. Подобная смена ценностных ориентаций в культуре может вести только к уничтожению исторической памяти народа, внедрению в массовом порядке эффекта, который с подачи Ч. Айтматова получил название *манкуртизм*.

Рыночные реформы уже породили огромный по своей численности социальный слой маргиналов, лишенных социальных корней и проходящих эксперимент на раскультирование. И на этой социальной почве формируется крайне опасная и деструктивная

маргинальная культура, которая характеризуется не только бездуховностью и примитивизмом, но и социокультурной и цивилизационной беспочвенностью и агрессивностью.

Указанные выше негативные тенденции существенно снижают духовный потенциал российского народа, что может привести к утрате цивилизационной идентичности российской культуры, по сути ставя под вопрос жизнеспособность российской цивилизации в XXI веке.

Литература

1. Бабинцев В.П., Надуткина И.Э., Сапрыка В.А. Экспертное сообщество как субъект гражданского участия в регионе // Власть. – 2014. – № 7. – С. 5–9.
2. Гнатенко А.А. О роли экспертного сообщества в складывании калининградского социума // Вестник РГУ им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные науки. – 2008. – Вып. 6. – С. 99–105.
3. Долженко Р.А., Долженко С.Б. Профессиональные экспертные сообщества и их роль в решении социально-экономических задач // Вестник Омского университета. Сер.: Экономика. – 2019. – Т. 17, № 3. – С. 77–87.
4. Казакова Е. Роль экспертных сообществ в России в политической модернизации // Власть. – 2011. – № 3. – С. 11–14.
5. Лаврик М.В. Влияние экспертного сообщества на становление гражданского общества в России на современном этапе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12: Психология. Социология. Педагогика. – 2009. – № 3-1. – С. 202–205.
6. Сулакишин С.С. и др. Национальная идея России. – М.: Научный эксперт, 2012. – Т. 3.
7. Райков А.Н. Сетевая экспертная деятельность: препятствия и стимулы // Государственная служба. – 2010. – № 4. – С. 64–69.
8. Сосунов Д.В. Роль экспертного сообщества в процессе принятия политических решений // Вестник ВГУ. Сер.: История. Политология. Социология. – 2012. – № 1. – С. 171–173.
9. Сунгуров А.Ю. Экспертное сообщество, фабрики мысли и власть: опыт трех регионов // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 2. – С. 72–87.
10. Российская культура и угроза бездуховности. Режим доступа: http://old.nasledie.ru/kyltyra/4_4_2/article.php?art=19.

References

1. Babintsev V.P., Nadutkina I.E., Sapryka V.A. Ekspertnoe soobshchestvo kak sub"ekt grazhdanskogo uchastiya v regione // Vlast'. 2014. № 7. P. 5–9.
2. Gnatenko A.A. O roli ekspertnogo soobshchestva v skladyvanii kaliningradskogo sotsiuma // Vestnik RGU im. I. Kanta. 2008. Vyp. 6. Gumanitarnye nauki. P. 99–105.
3. Dolzhenko R.A., Dolzhenko S.B. Professional'nye ekspertnye soobshchestva i ikh rol' v reshenii sotsial'no-ekonomicheskikh zadach // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Ekonomika». 2019. T. 17. № 3. P. 77–87.
4. Kazakova E. Rol' ekspertnykh soobshchestv v Rossii v politicheskoi modernizatsii // Vlast'. 2011. № 3. P. 11–14.
5. Lavrik M.V. Vliyanie ekspertnogo soobshchestva na stanovlenie grazhdanskogo obshchestva v Rossii na sovremennom etape // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedago-gika. 2009. № 3-1. P. 202–205.

6. Natsional'naya ideya Rossii: V 6 t. / S.S. Sulakshin et al.; pod obshch. red. S.S. Sulakshina. – M.: Nauchnyi ekspert, 2012. – Vol. 3.
7. Raikov A.N. Setevaya ekspertnaya deyatel'nost': prepyatstviya i stimuly // Gosudarstvennaya sluzhba. – 2010. – № 4. – P. 64–69.
8. Sosunov D.V. Rol' ekspertnogo soobshchestva v protsesse prinyatiya politicheskikh reshenii // Vestnik VGU. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya. 2012. № 1. P. 171–173.
9. Sungurov A.Yu. Ekspertnoe soobshchestvo, fabriki mysli i vlast': opyt trekh regionov // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2014. № 2. P. 72–87.
10. Rossiiskaya kul'tura i ugroza bezdukhovnosti. URL: http://old.nasledie.ru/kyltyra/4_4_2/artisle.rhr?art=19

Поступила в редакцию 15 мая 2020 г.

UDC 316

DOI: 10.21779/2500-1930-2020-35-2-51-56

The Role and Main Tasks of Expert Communities in the Implementation of Social Projects

M.Ya. Yakhyaev

Dagestan State University; Russia, 367000, Makhachkala; M. Gadzhiev st., 43a; muchtar59@mail.ru

Practice shows that the implementation of many socially significant projects in modern Russia leads to ambiguous consequences for Russians and society as a whole. This actualizes the problem of identifying and eliminating the causes of their permanent failure. Based on this, the article analyzes the state and role of the expert community as an independent intellectual center that can give an objective assessment of social projects and monitor their implementation. As the main directions of social projects in urgent need of independent expert assessments, it highlights such destructive development trends for the entire Russian society as westernization, dehumanization, devaluation and commercialization of the main subsystems of society. The article traces the manifestations of these tendencies that are destructive for the whole society, especially for spiritual culture, on the example of the Republic of Dagestan.

Keywords: *expert community, social projects, development trends, civil society, spiritual culture.*

Received 15 May, 2020